

Академии искусств в основном делятся на южную и северную школы, и каждая из них предпочитает свои стили живописи. Кроме того, критерии приема на программы изящных искусств и дизайна также различаются. К счастью, Хань Чжоу уже давно вместе с преподавателями составил для каждого студента индивидуальный план, где разные преподаватели обучают студентов разным стилям, чтобы избежать путаницы и сосредоточиться на конкретных направлениях.

Однако поступление в университет — это не только вопрос того, куда преподаватель хочет направить студента. У каждого есть свои желания, и преподаватель может лишь дать совет, но не настаивать, иначе впоследствии это может вызвать недовольство.

Днем студенты были заняты рисованием, но в углу двое тихо разговаривали. Хань Чжоу вышел из соседнего класса в хорошем настроении и, проходя мимо, увидел Лю Жань и одного из обычно молчаливых студентов, которые обсуждали что-то.

Студент говорил, что его стиль больше подходит для южной школы, но Хань Чжоу настаивает на поступлении в местную академию искусств.

Лю Жань, прикрывая лицо книгой, усмехнулась:

— Здесь всем нужен только высокий процент поступлений, их не волнует твой индивидуальный стиль. Вот мой пример: я рисую много лет, и никто не говорил, что это плохо, но здесь заставляют меня меняться, прикрываясь попыткой выйти за рамки.

— Точно. Местная академия принимает больше студентов из провинции, поэтому шансы на поступление выше. Но мой стиль явно не северный, а моя мама верит ему, и если я не поступлю, мне придется пересдавать в следующем году.

Студент поставил ногу на перекладину мольберта и хотел продолжить, но, увидев лицо Хань Чжоу над мольбертом, тут же замолчал.

Хань Чжоу, сложив руки за спину, некоторое время смотрел на них, затем улыбнулся и сказал студенту:

— Продолжай, я хочу услышать, в какую южную школу я тебе мешаю поступить?

Студент: «...»

Студент покраснел до корней волос и не мог вымолвить ни слова. Он с тревогой наблюдал, как Хань Чжоу полез в карман, ожидая худшего, словно партизан, пойманный с поличным.

Но вместо этого Хань Чжоу достал две «Планетарные чашки» и протянул их студенту и Лю Жань:

— Ты уже весь день рисуешь, наверное, проголодался.

— Бери, не стесняйся, и расскажи, кто именно из твоих родственников так верит мне?

Некоторые студенты, чувствуя, что их шансы на поступление невелики, начинают искать виноватых, чтобы свалить на них всю ответственность. Если они поступят, то это благодаря их усилиям, а если нет, то кто-то им помешал.

Хань Чжоу просто дал совет, но студент говорил так, будто его заставляли, и даже привел в

пример мать, которую Хань Чжоу никогда не видел.

Хань Чжоу сел рядом с ними. Перед ним стоял полуготовый бюст Мольера, который один из студентов рисовал перед уходом домой. Работа была незрелой и скованной. Хань Чжоу поднял с пола половинку карандаша и начал вносить изменения.

Рисуя, он сказал студенту:

— Обычно ты молчишь, но, оказывается, хорошо понимаешь себя. Тогда скажи, в какую школу ты действительно хочешь поступить. Не нервничай, просто поговорим.

Сейчас в студии было не так много людей, как перед экзаменами, и только Лю Жань и этот студент рисовали эту композицию. Хань Чжоу говорил тихо, и студенты впереди, надев наушники, вряд ли могли его услышать.

Студент опустил голову, теперь он даже не смотрел на Лю Жань, и через некоторое время пробормотал:

— В одну из южных академий искусств.

— В какую именно? Южных академий несколько. — Хань Чжоу даже не смотрел на него, время от времени используя руку как ластик.

За полгода работы с этими студентами Хань Чжоу слишком хорошо знал уровень каждого. Если бы этот студент действительно подходил для южной школы, Хань Чжоу не стал бы советовать ему поступать в местную академию. Дело в том, что его уровень не дотягивал ни до одной из школ, но у него было желание поступить. В такой ситуации местная академия, где есть квота для провинциальных студентов, была его лучшим шансом.

Студент молчал, ковыряя пальцы. Хань Чжоу взглянул на него, затем снова повернулся к рисунку:

— Ты можешь подать документы в несколько школ. Если экзамены не совпадают по времени, ты можешь попробовать свои силы в нескольких местах, и, возможно, поступишь туда, куда хочешь.

Учитель Хань был терпелив и никогда не ставил людей в неловкое положение, не любил публично унижать. Поэтому он не говорил, чтобы студент отказался от местной академии, и не настаивал на том, чтобы он сосредоточился на желаемой школе. Он просто напомнил, что это не единственный выбор.

Если студент хотел обмануть Лю Жань, это одно. Но если он пытался свалить вину на Хань Чжоу, то это уже другое. Учитель Хань не зря столько лет проводил за столом переговоров, и его студия не просто так процветала.

Студент был загнан в угол, но Лю Жань разозлилась:

— Он уже изменил свой стиль по вашей просьбе, и теперь, если он попытается поступить в ту школу, которая ему подходит, это уже не сработает.

— Вы, наверное, слышали фразу Коко Шанель: «Мода проходит, стиль остается». Но у этой фразы есть продолжение: «Я и есть стиль». — Хань Чжоу достал ластик из углубления в мольберте и стер одну из линий. — Стиль рождается изнутри, проявляется вовне и помогает

другим отличать одного человека от другого. Другими словами, стиль — это душа. Душа может стать чище или грязнее, но она не может стать чужой.

— Разве что у него раздвоение личности. — Он слегка отодвинулся, прищурившись на картину, которая теперь была полна его стиля, и улыбнулся:

— Но даже при раздвоении личности между этими личностями есть точки пересечения. Некоторые вещи принадлежат только тебе, и ты не можешь их выбросить, не говоря уже о том, чтобы кто-то другой мог на них повлиять.

Эти слова он адресовал не только этому студенту, но и Лю Жань. Сможет ли она их услышать? Хань Чжоу был уверен, что да. Но изменится ли она? Это уже другой вопрос.

Закончив рисунок, Хань Чжоу ушел. Лю Жань и студент, увидев, что он ушел, подошли к картине.

Перед ними был совершенно другой бюст Мольера, выполненный в свободном и энергичном стиле. На левом плече бюста было написано в кавычках «Мнимый больной».

— Что это значит? — Студент нахмурился.

— Одна из известных пьес Мольера. — Лю Жань, глядя на картину, выглядела не очень хорошо. — Это сатирическая комедия.

Услышав это, студент покраснел еще сильнее.

Закончив с бюстом, Хань Чжоу вышел из класса и увидел Лу Е, который, ухмыляясь, разговаривал по телефону у дверей соседнего класса. Увидев Хань Чжоу, он тут же положил трубку в карман:

— Брат Чжоу.

— Разговариваешь по телефону на уроке? Иди к бухгалтеру и запиши себе штраф. — Хань Чжоу, проходя мимо, хлопнул его по руке.

Лу Е поспешно ответил:

— Нет-нет, только один раз, дело срочное.

— Если срочно, то признавай нарушение, либо звони после урока. — Хань Чжоу посмотрел на часы, до конца урока оставалось две минуты. — Не можешь подождать две минуты?

— Могу, могу, больше не буду! — Лу Е сложил руки в молитвенном жесте.

Хань Чжоу, не обращая на него внимания, зашел в кабинет. Едва он сел, прозвенел звонок, и Лу Е ворвался внутрь.

— Чем ты только не занимаешься, нельзя ли быть немного спокойнее? — Хань Чжоу, держа стакан с горячей водой, дул на него, делая маленькие глотки. — Почему ты не пошел к бухгалтеру, а пришел ко мне?

— Сейчас пойду. — Лу Е усмехнулся.

Его брат Чжоу действительно был добродушным в неформальной обстановке и никогда не

скупился на окружающих. Но когда дело касалось работы или принципов, он становился непреклонным.

В обществе много людей, которые хорошо разбираются в человеческих отношениях, и немало тех, кто ловко манипулирует. Но те, кто сочетает в себе мягкость и твердость, — это уже настоящий навык.

Хань Чжоу часто закрывал глаза на некоторые вещи, и со стороны казался слишком мягким. Но любой, у кого есть хоть капля ума, понимал, что этот человек силен. Если он позволял кому-то воспользоваться собой, то только потому, что сам этого хотел. В противном случае, он мог оставить тебя без гроша, и ты еще должен был бы ему благодарным.

<http://bllate.org/book/15564/1415515>